

Ломанович В.В.,
музыкант, скрипач, педагог

Тематический проект как системообразующая основа обучения музыке

Почти двадцать лет назад я приехала в Нидерланды и, когда вопрос встал о работе, мне пришлось столкнуться с неожиданной проблемой.

Системы музыкального образования, подобной той, которая действует в России, в Нидерландах не существует. Здесь почти в каждом крупном городе есть консерватория, при некоторых из них есть школы для одарённых детей, но нет ни музыкальных училищ, ни музыкальных школ в нашем понимании этого слова, а если таковые (школы) и имеются, то, в сущности, они являются продуктом договорённости нескольких коллег, которые вместе на паях снимают подходящее помещение, добиваются небольшой субсидии от муниципалитета (или не добиваются) для покупки инструментов и работают, не ограничивая себя ни общими программами, ни общими задачами и целями. Таким образом, если в нашей стране существуют поддерживаемые государством музыкальные школы (многие из которых имеют свои прекрасные здания, концертные залы, инструменты, нотные библиотеки, хорошо разработанные программы и рычаги воздействия на нерадивых учеников — низкие отметки на академических концертах и на технических зачётах), то в Голландии первичное звено системы музыкального образования представлено многочисленными частными студиями, где учителя музыки работают как представители мелкого бизнеса со всеми вытекающими последствиями.

Базовые уроки музыки дети также получают в общеобразовательных школах, где есть и хоры, и ансамбли, и даже оркестры, но играть на музыкальных инструментах, для того чтобы музицировать в этих оркестрах, они учатся у частных педагогов, деятельность которых является основанием всей системы. Если ученик добился больших успехов на каком-либо инструменте и желает продолжить своё обучение в высшем музыкальном заведении — консерватории — ему не надо предъявлять никаких профессиональных сертификатов, надо представить только диплом об окончании средней школы и сдать вступительный экзамен. Конечно, если такой выбор сделан, родители стараются найти преподавателя, работающего в консерватории, который бы занимался с их ребёнком, опять же частным образом, до поступления. Вступительные экзамены проводятся по довольно строго выверенным программам.

Для того, чтобы начать работать в этой новой системе, надо было сразу же разработать для себя новую концепцию преподавания музыки, то есть ответить на вопросы, на которые в России отвечало за меня Министерство культуры и Министерство образования:

1. Чему учить?
2. Как учить?
3. Кого учить?
4. Как долго учить?
5. Зачем учить?

С первых же уроков на новом поприще стало понятно, что хорошо усвоенные в России ответы здесь не работали, проверенные и накатанные методики не давали результатов. Основной контингент учеников хотел изучать музыку для себя, то есть они хотели быть музыкантами-любителями. Многие российские музыканты со мной согласятся, что слово любитель или дилетант в российской профессиональной музыкальной среде считается почти что ругательным, и получить такой «комплимент» никому не хочется. Однако, мои ученики были так заняты изучением других предметов (физики, математики, экономики и др.) и имели такой широкий круг интересов (спорт, танцы, верховая езда и др.), что для уроков музыки могли выкраивать один час в неделю. На уроки сольфеджио, теории, гармонии и музыкальной литературы у них ни времени, ни средств не было. Мне пришлось принять эти условия, и я начала работать в качестве свободного художника с теми, кто изъявил желание учиться музыке.

Очень скоро обозначилось несколько «зон», где остро чувствовалось отсутствие контакта с учениками, особенно с начинающими. Первой из них был репертуар. Наши родные замечательные песни и детские пьесы русских и советских композиторов моими заграничными учениками не воспринимались. Почти все они учатся в Британской, Американской и Международной школах, где языком обучения является английский, в связи с чем вся детская культура, весь детский мир, включающий в себя стихи, песни, игры, был не наш, не русский. Но при этом дети были разных национальностей и знание английского языка объединяло нас, помогало найти общий язык. Был сделан первый вывод: не надо бояться изменять фольклорную мелодическую основу при составлении репертуара для начинающих. В моём случае такой основой для всех начинающих должны были стать

англоязычные детские песни или песни, переведённые на английский язык, потому что дети слышали это на уроках музыки в своих школах и хорошо понимали. К счастью, английский детский фольклор великолепный, и на скрипку (а мой родной инструмент — скрипка) все эти очаровательные песенки так и просились.

К моменту составления моего собственного сборника для начинающих скрипачей на англоязычном песенном материале напросился сам собой вывод номер два: оказалось, что заниматься сольфеджио можно и нужно на уроках по родному инструменту, и для этого не надо учить «номера» из учебника по другому предмету (сольфеджио). Результатом этого открытия стала моя подборка «Сольфеджио для скрипачей». Основой этого пособия стал тот репертуар, который дети разучивали на скрипке. Начинается оно не с общего для учеников разных специальностей абстрактного До-мажора, а с родных для скрипачей тональностей открытых струн. Предмет сольфеджио перестал быть изолированным от инструмента и естественно растворился практически во всём, чем мы занимаемся на уроках.

На многочисленных «классных концертах» родители видели и слышали, как я играла аккомпанементы на фортепиано всем своим ученикам, и они стали просить меня «поучить» их детей на втором инструменте. Будучи педагогом ответственным, я подготовилась и сдала экзамен, получив в Великобритании диплом профессионального пианиста. Теперь я учила скрипачей, пианистов, и всех их — сольфеджио и теории музыки, потому что надеяться, как мы это делали в России, на наших коллег теоретиков, здесь, в Голландии, я не могла. Родители не могли позволить себе такие дополнительные траты и считали (и теперь я с ними совершенно согласна), что учитель музыки должен уметь делать всё в своей профессии. Это был вывод номер три.

Ученики в классе, как правило, разного возраста и разных способностей, и, обычно, составляя программы концертов, учителя в России прибегают к самым сильным ученикам на конец концерта. Здесь такой принцип не срабатывал, мало того, он вызывал негативную реакцию у родителей. Неравенство способностей и так явно заметно, и умышленно подчёркивать его не следовало. Поэтому пришлось поразмышлять над формами проведения концертов, и идея пришла сама собой: репертуар надо подбирать по принципу проектов. Это был вывод номер четыре. Ученики разных возрастов и разных возможностей должны были каким-то образом учить друг друга и вносить свою посильную лепту в общее дело. Идея концерта-проекта «Музыканты города Вены» оформилась после написания рассказа для одной из учениц, кот которой просидел пять лет на её уроках музыки в футляре для скрипки. Однажды, после многократных попыток девочки чисто спеть ноту Ми, кот (хотите

верьте — хотите нет) зевнул и пропел эту злополучную ноту совершенно изумительно чисто. Мы с моей ученицей почтительно обомлели. Вернувшись домой, я написала рассказ для неё, где прототипом главного героя кота Питера был её кот Тигр с его изумительной нотой Ми. Сыграть такое количество музыки, которое упоминалось в рассказе, для одного ученика невозможно, поэтому я и решила вместо парада учеников с разнообразным репертуаром дать концерт на одну тему о великом городе, давшем миру Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Штрауса, Брамса и множество других замечательных композиторов. Рассказ переделали в пьесу и разыграли перед концертом всемером: один ведущий и шестеро котов-учеников. В концерте участвовали все мои многочисленные ученики и их родители, потому что у всех в репертуаре нашлась хоть одна пьеса вышеупомянутых композиторов. Ученики услышали столько музыки, объединённой хотя бы по географическому принципу, сколько я бы никогда не смогла представить им во время их уроков. С тех пор я стала составлять программы такими блоками-проектами. За «Котами» был разработан «Музей старинных танцев», затем «Вода», «Сказки, мифы и легенды в музыке», «Приключения Толи и Коли в магазине игрушек», «Музыкальные портреты», «Люди и их профессии» и другие. Каждый проект в качестве канвы имеет рассказ.

Однажды, после того, как я продемонстрировала одной ученице, что импровизировать в стиле разных композиторов не очень сложно, надо только поиграть побольше музыки, написанной ими и поразмышлять на тему, чем музыка одного композитора отличается от музыки другого. Прослушав мои импровизации в стиле Вивальди, Моцарта, Чайковского, девочка попросила меня поиграть в моём собственном стиле. Я попала впросак, потому что всю жизнь занималась по репродуктивной методике, практически не задаваясь вопросом: а что я могу сама сочинить? Я убеждена, что разобраться и оценить по достоинству мастерство композитора, можно только попробовав сочинить хотя бы незамысловатую пьеску. Были времена, когда музыкант не считался настоящим музыкантом, если он мог только играть музыку, написанную кем-то. Хотелось бы, чтобы те времена возвратились. Но что-то безусловно можно сделать хотя бы в своём собственном классе, для того чтобы уроки музыки могли бы считаться полноценными. Результатом этого вывода явился первый композиционный проект «445-й Концерт Антонио Вивальди». Этот проект был предназначен для скрипачей, где они могли бы попробовать свои силы в анализе языка, формы, исполнительских особенностях барочного стиля и в свободной импровизации в стиле великого и любимого композитора.

Представляю здесь текст рассказа для проекта «Музыканты города Вены», который стал первым в серии разнообразных исполнительских и компози-

ционных проектов. Этот текст является только основой для интереснейшей исследовательской работы учеников в различных сферах и аспектах: биографии композиторов, особенности формы и языка, исполнительские проблемы, драматическое искусство, работа в команде, товарищеская поддержка. Даже такие темы, как «Особенности Венской гастрономии и кулинарии», «Достопримечательности Вены» могут быть включены в проект. Работы хватит всем, и учителю, и ученикам, и родителям.

Текст рассказа для проекта «В музее старинных танцев» появился вскоре после концерта «Котов»,

прошедшего с большим успехом. Проект «Музей» включает в себя, кроме всего прочего, и основы исполнения простейших элементов всех старинных танцев, упомянутых в проекте.

Сейчас все сложности и сомнения тех лет, когда я, без помощи и руководства, в чужой стране начала новое для себя дело: быть учителем музыки, а не только учителем игры на скрипке, казалось бы в прошлом. Последний на сегодняшний день вывод: исполнительские методики конечны, но педагогическое мастерство — бесконечно, и надо всегда держать руку на пульсе жизни.

**Музыканты города Вены,
или Что интересного могут рассказать коты о своих хозяевах**
Сказка

Рисунки в сказке и на обложке Л. Лебедевой, Л. Александровой и М. Белуччи

Приложение

Дело шло к ночи, и путешественник, увидев огни большого города, решил остановиться там на ночлег. Город назывался Вена. Проехав городскую таможню, он по тихим улочкам покатил к гостинице, которую ему порекомендовал его друг. К несчастью, все комнаты в «Золотом гусе» (так называлась гостиница) были заняты, но хозяйка, сжалившись над уставшим человеком, предложила ему маленькую каморку под самой крышей. По узкой лестнице путешественник поднялся на последний этаж, открыл дверь — и остался очень доволен. Комнатушка была очень уютная и чистая, и всё в ней было очень маленькое: и окошко, и кровать, и столик, и одна единственная табуретка, и кувшинчик с водой для умывания. Хозяйка принесла новому постояльцу перекусить, посоветовала ему открыть окошко на ночь и, пожелав спокойной ночи, ушла.

В окно, расположенное прямо на крыше, светила огромная жёлтая луна. На соседней колокольне часы мелодично пробили одиннадцать часов. «Что же, пора спать?» — подумал путешественник, подошёл к окну, открыл его и лёг в кровать.

Несмотря на сильную усталость, ему не спалось. По крыше бродили коты и перемурлыкивались друг с другом. «Мешают спать» — с досадой подумал он и решил закрыть окно, но что-то остановило его и, прислушавшись к певучему мурлыканью котов, путешественник от изумления даже открыл рот. Он неожиданно обнаружил, что понимает всё, о чём они мурлыкают. «С чего бы это я стал понимать по-кошачьи?» — подумал он с усмешкой и прислушался. Он явно различал шесть различных голосов, если это можно было назвать голосами, конечно. Два были явно старческими, два принадлежали особам женского кошачьего пола, и два были совсем детские. Коты сидели около трубы и обменивались впечатлениями о своих хозяевах. Разговор шёл о пропитании:

— Мой хозяин был очень щедрый и добрый человек, я знал вкус и гусиной печёнки, и форели, да и сметаной и сливками баловали, но, к сожалению, это бывало только тогда, когда у хозяина были деньги. Помню, как во время представления одной его оперы (название я уж забыл), один артист, переодевшись каменной статуей за кулисами, запутался в своём плаще и отдал мне лапу, а потом, уже на сцене, утащил, громко ругаясь, в ад одного очень хорошо одетого господина, который пел свою арию и уплетал за обе щеки курицу. Можете себе представить, как я хотел, чтобы его пение поскорее закончилось, и он не успел бы доесть куриную лапку. Но обжора умудрился и быстро петь, и быстро есть, так что мне досталась только хорошо обглоданная косточка. Вы же понимаете, что уважающий себя кот не унижится до такой, с позволения сказать, еды. После представления вся эта артистическая компания, и Дон Жуан (так звали этого господина), и дядька в костюме каменной статуи, и многие другие пришли к нам домой и долго веселились, до самого утра. Вот уж я полакомился. Гости развлекались, угощались, вновь разыгрывали куски из оперы; я запомнил один красивый танец — Менуэт. Вот, послушайте, — и кот стал намурлыкивать мелодию.

Путешественник узнал в мурлыканье кота мелодию великого Моцарта. Так вот кто был хозяином старого кота! А кот продолжал:

– Я вообще ходил на все его представленья, там мне всегда перепало что-нибудь хорошее. В одной из его опер, в «Волшебной флейте», один чудак, Папагено, ходил по сцене с огромной корзиной, из которой в конце представления вылетало множество птиц. Этот Папагено был птицеловом и постоянно напевал очень симпатичную песенку о птицах. Я после спектакля гонялся за кулисами за этими птицами, но мне никогда не удавалось поймать ни одной, да и не разрешили бы – они нужны были для следующего представления.

– Фриц, – раздался голос другого старого кота, – а я помню твоего хозяина, он часто встречался с моим, хотя мой был намного старше, но мне он всегда говорил: «Моцарт – бог музыки». Однажды они просидели вместе несколько часов, играя друг другу свою музыку, мне особенно понравилась одна мелодия Моцарта. К несчастью я немного простудился и не могу напеть её, но я могу простучать её ритм.

Услышав постукивание копытных когтей по крыше, путешественник узнал ритм Турецкого Рондо – музыку, которую он много раз слышал и очень любил.

– Питер, а Моцарт тоже очень любил твоего хозяина, – в свою очередь заметил Фриц, – он его ласково называл Папаша Гайдн и как-то он два часа импровизировал на тему из одной симфонии Папаши Гайдна. Ты помнишь ту музыку?

– Ещё бы, ведь Гайдн написал её после одного происшествия. Однажды я, выйдя ночью поохотиться на мышей в кухне, раздумал и решил, что охота на сосиски будет более удачной. Я изменил маршрут и тихо крался к шкафу, где хранились сосиски, но, в тот момент, когда мне удалось ухватить за верёвочку целую связку, я услышал, как Папаша, который всё это время, оказывается, за мною наблюдал, стыдит меня за воровство: «Питер, ведь тебе ни в чём не отказывают, откуда в тебе такие воровские наклонности?» На следующее утро он написал новую мелодию, и в ней я слышал свои тихие шаги.

– А помнишь, – сказал Фриц, – когда нам привезли рояль, в доме у нас невозможно было находиться? У этого инструмента оказался такой мощный звук, что выдержать этот грохот было совершенно невозможно. Когда мой хозяин занимался, я уходил на крышу, но и там не было покоя, потому что на улице играл флейтист и повторял вслед за Моцартом тему из только что написанной фортепианной сонаты. Нигде не было покоя уважаемому коту!

– Фриц, а помнишь, как однажды наши хозяйка ушли на спектакль «Свадьба Фигаро», а мы с тобой гоняли клубки шерсти по всей квартире, запутали их так, что Моцарт, явившись ночью, громко хохотал, попавшись в нашу ловушку?

– Кристина, а ты помнишь Моцарта? – обратился старый Фриц к одной из кошек.

– Помню. Мой хозяин был тогда совсем молоденьким мальчиком, ему было шестнадцать лет. Мы тогда приехали из Бонна, потому что Бетховен мечтал учиться у Моцарта. Я тогда по крышам пробралась к окошку в гостиной и подсматривала. Мой хозяин очень волновался, и я хотела быть рядом, поддержать его. Вот тогда-то мы и познакомились с тобой. Ты был молодой и элегантный, но, поверь, и сейчас своего обаяния не потерял.

– А ты, Кристина, всё такая же красавица. Жаль, тогда мне было нечем тебя угостить, ведь в доме были только мыши, денег у хозяина совсем не было. А даму угощать мышами – дурной тон.

– Моцарт тогда послушал моего хозяина, – продолжала Кристина, – очень хвалил его и согласился учить, но что-то у них не сложилось.

– Кристина, разве твой хозяин учился у моего? Что-то я больше тебя не видел в Вене в то время?

– Ты прав, – ответила кошка, – мы уехали почти в тот же день, потому что у Бетховена умер отец, и мать его осталась без гроша. Мой хозяин, хотя ему было всего шестнадцать лет, стал содержать всю семью. Он работал в оркестре и неплохо зарабатывал. Мне не приходилось тогда, как тебе, питаться одними мышами.

Фриц помолчал печально и начал вспоминать:

– Да, мы жили тогда очень плохо. Мой хозяин сильно болел и музыка его, которую он тогда писал, становилась все грустнее и грустнее. Я даже побаивался тогда заходить в дом. Однажды весьма странный человек, весь в чёрном, позвонил в дверь. Я до смерти не забуду выражение ужаса на лице Моцарта, когда он открыл дверь. Человек в чёрном протянул ему кошелек с деньгами, сказав при этом, что даёт Моцарту ровно месяц, для того чтобы написать Реквием. Хозяин взял деньги и в тот же вечер начал писать эту заупокойную мессу. – Старый кот замолчал, потом добавил: – Через месяц его не стало, а Реквием он не успел закончить.

Остальные коты и кошки сохраняли молчание и ждали продолжения рассказа, пока Фриц мысленно вернулся к тем печальным временам, потом он продолжил:

– Кристина, я был на твоего хозяина в обиде, когда узнал, что после смерти Моцарта он вернулся в Вену и стал учиться у Сальери. А именно тогда по городу поползли слухи, что Сальери отравил Моцарта.

Говорили, что он завидовал его таланту, а много лет спустя, Сальери, уже в доме для душевнобольных, сам признался, что он и вправду отравил моего хозяина. Хотя слухам порядочные коты не должны верить, но всё равно я был очень обижен.

– Фриц, – вмешалась в разговор кошка Мальвина, – мой хозяин тоже учился у Сальери, ведь тот был очень влиятельным композитором в Вене, сам император советовался с ним.

– Госпожа Мальвина, – раздался голосок котёнка, – а как звали Вашего хозяина?

– Моим хозяином был Франц Шуберт, – ответила Мальвина. – Жилось мне у него голодно, но весело. Я всегда сидела под столом, когда у Шуберта в каморке собирались его друзья. Хозяин мог веселить их часами, он импровизировал, сочинял на ходу бесчисленные танцы и марши. Иногда его музыка вдруг мрачнела, но через минуту-другую опять дружелюбные и приветливые звуки лились из-под его умелых пальцев. На его «Шубертиадах» музыка не смолкала до утра.

– Кристина, а помнишь, как твой хозяин влюбился и написал чудесную музыку для своей девушки? – спросил Питер.

– Да он столько раз влюблялся и написал столько прекрасных мелодий для разных девушек, что я даже не знаю, кого ты имеешь в виду. Элизу? Джульетту? Терезу? Вот только ни одна из них не смогла ответить на его чувство. Одинокó жилось Бетховену, а после того, как он совершенно оглох, и вовсе ни одна женщина не обращала на него внимания. Впрочем, он был ужасным неряхой, в доме у него было грязно и неудобно. Он часто уходил из дома и бродил по улицам. Однажды, когда он ещё слышал, он был очень взвинчен, потому что ему никак не удавалось придумать тему для последней части Концерта для скрипки. Долго он ходил по ночным улицам, устал, зашёл в таверну, а там какой-то пьяненький крестьянин играл незамысловатые мелодии на флейте. Бетховен угрюмо сидел в углу, чертыхаясь, оттого, что этот флейтист плохо играет, но вдруг как стукнет кулаком по столу и воскликнет: «Вот тема!» – и на следующий день закончил Концерт.

– Мой хозяин тоже любил захаживать в кабачки, – сказала Мальвина. – Ведь его там, бывало, бесплатно кормили. Правда, просили записать на обороте меню или счёта какую-нибудь мелодию, и Шуберт никогда не отказывал, потому что в его голове было столько прекрасных мелодий, что хватило бы на всех. Нам же с ним за это приносили целое блюдо чего-нибудь вкусного. Я слышала, что после смерти Шуберта хозяин кабачка очень разбогател, ведь у него сохранилось множество заляпанных обрывков бумаги с нотами, написанными рукой Шуберта.

– Ну, а вы, малыши, как поживаете? – спросил Питер у котят, – я слышал, Франтик, ты живёшь у очень богатого музыканта?

– Я думаю, – с достоинством ответил котёнок, что моя часть в этом богатстве тоже есть. Однажды я спал в футляре скрипки моего хозяина. Скрипка лежала рядом на столе, а хозяин записывал на нотной бумаге мелодию очередного прекрасного вальса. Зазвенел колокольчик к обеду, и хозяин ушёл. Вот тут я и воспользовался моментом и пощипал немножко струны на его скрипке. Я так увлёкся, что и не заметил, как он вернулся. А он, прислушавшись, сказал: «А неплохая может получиться полька». Через несколько дней он пригласил к себе музыкантов и показал им свою новую польку «Трик-тра». Представляете, у них никак не получалось играть быстро пиццикато, и Штраус (так зовут моего хозяина) попросил меня поучить их быстро щипать струны. Я, конечно, застенялся и удрал.

– Тиша, а твой хозяин, что он за человек? – все взоры обратились ко второму котёнку, который первый раз был на такой познавательной и интересной встрече. Смущаясь от столь пристального внимания, Тиша стал что-то сбивчиво рассказывать о клавишах рояля, вернее, о молоточках, которые так быстро отскакивали от струн, когда господин Брамс играл Венгерский танец, что их было совершенно невозможно поймать.

Старые коты снисходительно переглянулись, слушая восторженный рассказ новичка. Питер, зевнув, сказал:

– Засиделись мы, друзья, пора по домам. Сейчас молочник пройдёт, потом кухарки и хозяйки начнут готовить, нам уж точно что-нибудь перепадёт. Пойдёмте, а то голодными останемся.

Все собравшиеся вежливо и церемонно попрощались друг с другом и разошлись. Путешественник тоже лёг и быстро заснул, а когда около полудня проснулся, не мог понять, во сне или наяву слышал он эти чудесные истории о великих венских композиторах.

(Продолжение следует)

Музыка
своими
руками

В коллаже использованы материалы к статье «Кто сидит в оркестровой яме» (инструменты, выполненные учащимися) и к сказке «Музыканты города Вены» (рисунки Л. Лебедевой, Л. Александровой и М. Белуччи)